

Идея христианского единства П.Я. Чаадаева (о соединении светского и религиозного начал)¹

Елена Бессчетнова (Заместитель заведующего Международной лаборатории исследования русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ)

В современном российском обществе после длительного антиклерикального периода вновь значительную роль играет религиозная составляющая. Но при этом все-таки отсутствует продуманная форма отношений между светским и религиозным, выработка которой является непосредственной задачей современных философов, социологов религии и богословов. Русские религиозные философы еще сто лет назад предложили свои проекты синтеза между двумя этими началами, удерживая общество от возможного духовного кризиса. Первым из русских мыслителей кто освятил данную проблематику был Петр Яковлевич Чаадаев. Автор данного эссе полагает,

что сегодня его интеллектуальные интуиции как никогда актуальны. В эссе представлен анализ основных идей Чаадаева и понятий, используемых философом в рамках проблемы постсекулярного общества.

П.Я. Чаадаев был, безусловно, одним из ярчайших представителей своей эпохи – периода становления самобытных культурных и интеллектуальных традиций, времени формирования самостоятельных и уникальных философских идей. Чаадаев говорил, что любовь к отечеству

¹ Статья подготовлена в рамках исследования за счет средств гранта Президента Российской Федерации МК-3702.2019.6 «Экуменистические проекты русских мыслителей второй половины XIX в. - начала XX в.» (Соглашение от 31.05.2019 № 075-15-2019-1164).

Идея христианского единства П.Я. Чаадаева...

– это прекрасно, но есть еще более прекрасная вещь, о которой очень часто за узостью взглядов забывают, – любовь к истине.

Чаадаев, несомненно, испытал на себе влияние Шеллинга, в своей философии стремился актуализировать ключевое понятие в системе немецкого мыслителя – понятие всеединства. У Чаадаева – эта идея появляется на несколько десятилетий раньше, чем у Вл.С. Соловьева, и несмотря на то, что последний был относительно плохо знаком с идеями Чаадаева, схожесть философских интуиций обоих мыслителей очевидна. Бесспорно, этому способствовало увлечение русских интеллектуалов философией Шеллинга, но все же, по точному замечанию В.Ф. Эрнста, это говорит также о специфическом едином метафизическом поле русской мысли, которая сформировалась из мировоззренческой позиции, основывающейся на христианстве.

Чаадаев, как и Соловьев писал о необходимости христианского единства, говорил о христианстве как об общей и единственной основе становления европейской культуры, писал о единой Вселенской церкви.

Центральное произведение Чаадаева – это «Философические письма». Когда говорят о данной работе, то делают акцент, прежде всего, на философии истории мыслителя, подчеркивая, что историософские взгляды Чаадаева непосредственно произрастают из восприятия христианства в его исторической перспективе. И это справедливо, Чаадаев писал:

«Ничего не понимают в христианстве те, которые не замечают в его чисто исторической стороне, составляющей столь существенную часть вероучения, что в ней до некоторой степени заключается вся философия христианства, так как именно здесь обнаруживается, что оно сделало для людей и что ему предстоит сделать для них в будущем»².

Но в то же время, нельзя не согласиться с Василием Зеньковским, который писал, что войти в систему Чаадаева можно только поставив в центр его внутреннюю религиозную установку и личные религиозные переживания, которые и есть ключ ко всем взглядам философа.

Достаточно вспомнить с освещения какого вопроса начинается первое «Философическое письмо». Это вопрос о роли религиозного начала в жизни человека: «Смело верьтесь, сударыня, волнениям, вызываемым в вас мыслями о религии: из этого чистого источника, могут вылиться одни только чистые чувства»³.

Собственно, в том числе идея единства сущего у Чаадаева появляется в последствии личностных религиозных переживаний. Этот сюжет очень исчерпывающе проанализирован

² Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С.17.

³ Там же. С. 16.

Идея христианского единства П.Я. Чаадаева...

Б.Н. Тарасовым в работах «Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский» и «Чаадаев»⁴.

В свою очередь Михаил Гершензон, издавший в 1913 г. собрание сочинений Чаадаева, отметил: «Философические письма были плодом религиозного переживания, пережитого Чаадаевым в 20-е годы»⁵. Он называет Чаадаева мистиком, а основу его учения видит в имманентном действии духа Божия в человечестве, и естественно в слиянии человечества с Богом как конечной цели истории.

Итак, в десятилетие между 1810-1820 годами Чаадаев пережил свой духовный кризис, завершившийся обращением к христианству и принятию его на глубинном уровне за основу или, точнее, опору собственного личного бытия. Но при этом Чаадаев оставался постоянно ищущим и вопрошающим. Собственно, здесь емуна помощь и пришла философия, и уж если многие исследователи называют Чаадаева первым русским мыслителем и первым русским философом, то стоит уточнить, он был первым русским религиозным – христианским – философом. Чаадаев сам себя именно так называл и говорил про себя, что он прежде всего философ христианский.

На христианство он смотрел как на Истинную идею, вполне сопряженную с социальными вопросами. Мыслителю важно было не просто произвести синтез религиозного и светского начал, но создать рациональное соединение религиозного учения с насущными вопросами текущего дня, а именно выработать само понятие верующего разума и выделить его специфику, обозначенного в «Философических письмах» как «христианский разум»: «<...> это инстинкт правды, это последствие нравственного начала, перенесенного из области поступков в область сознания; это бессознательная логика мышления, вполне подчинившегося дисциплине»⁶.

Очевидно, что Чаадаеву было важно предоставить синтез веры и науки, веры и философии, веры и культуры. Оба элемента для него необходимы. С одной стороны, философ исходит из святоотеческой установки о том, что философия беременна истиной, которая раскрывается в полной мере в откровении. При этом философ писал о двух основных типах откровения: великих откровениях Ветхого и Нового Завета, а также первоначальном откровении, внутреннем личном или, как он сам его определяет: первоначальное откровение

⁴ См. об этом: *Тарасов Б.Н.* Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1990. ; *Тарасов Б.Н.* Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский. М.: Academia, 1999.

⁵ *Гершензон М.О.* П.Я. Чаадаев Жизнь и мышление (главы из книги) // П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 270.

⁶ *Чаадаев П.Я.* Философические письма // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 28.

Идея христианского единства П.Я. Чаадаева...

– «первое общение духа Божьего с духом человеческим», без которого невозможно понять суть христианства. Собственно, это характерная мысль для большинства последующих русских религиозных философов. С другой стороны, Чаадаев говорит и о значении философии, когда христианин, не находя в собственном учении разрешения великой загадки душевного бытия, естественно приходит к учению философов. Но здесь опять же, очевидно, кроется основное искушение человеческого разума, так как философы объясняют человека только через человека, игнорируя предвечный источник истины, и поэтому возникает позиция, согласно которой мышление истину и создает. И касательно данного сюжета Чаадаев вводит еще одну характерную для русского философствования установку о заданности истины человеческому разуму, а не о создании мышлением истины.

Синтез религиозного и светского начала для Чаадаева возможен только в контексте христианской идеи. Во-первых, потому что: «<...> христианство есть Слово и свет по преимуществу, оно естественно вызывает слово и распространяет возможно больший свет на все объекты интеллектуального воззрения человека»⁷. Во-вторых, именно христианство способно одновременно чутко прислушиваться к эпохе, понимать ее контекст и воспринимать его, при этом одновременно нерушимо сохраняя основу своего учения.

Чаадаев говорит о социальном христианстве и использует именно этот термин. Католичество становится его ориентиром. Отсутствие такой социальной ориентации есть одна из основных проблем России:

«После этого ясно, что раз та сфера, в которой живут европейцы и которая одна лишь может привести человечество к его конечному назначению, есть результат влияния, произведенного на них религией, и раз слабость наших верований или недостаток нашего вероучения удерживали нас вне этого мирового движения, в котором социальная идея христианства развилась и получила определенное выражение, а мы были откинута к числу народов, которым суждено использовать воздействие христианства во всей силе лишь косвенно и с большим опозданием, то необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и дать нам воистину христианский импульс, ибо ведь там все совершило христианство»⁸.

То есть, иными словами, Чаадаев, говоря об истории европейского человечества, был убежден в том, что если бы не было Христа, то ничего бы не было, понимая это буквально и не подразумевая только появление христианской идеи в ее морально-этическом аспекте.

⁷ Там же. С. 29.

⁸ Там же. С. 57.

В «Философических письмах» выражена идея Провидения: «история человеческого рода не имеет смысла, если не возводить ее к первым дням мира и к сотворению человека»; «без падения человека нет ни философии, на даже логики; все тьма и бессмыслица»⁹.

Еще один момент, характерный для Чаадаева, – это возможность установления мира внутри человека, то есть фактическое приближение состояния полноты бытия, Царства Божия. И это ключевой аспект христианства, в центре которого лежит идея о бессмертии не после жизни, а о бессмертии как жизни без смерти. Это аспект внутренней духовной жизни человека, но опять нельзя забывать, что Царство Божие, согласно Чаадаеву, должно стать историческим фактом бытия всего человечества.

Что касается догматических различий и раскола Церквей, то Чаадаев считал, что Церковь православная – по своей сути «аскетическая», тогда как католическая по своей сути «социальная», и это является причиной равнодушия одной ко всему, что совершается вне ее, и живое участие другой ко всему на свете. Это – два полюса христианской сферы, вращающейся вокруг оси своей безусловной и действительной истины.

Собственно, основная идея Чаадаева – идея Царства Божия, понятого не в отрыве от земной жизни, – непосредственно связана с понятием Церкви, которая есть историческое ее воплощение:

«<...> весь распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных Самим Богом в нашу душу, с воздействием нашего разума на эти идеи <...> сохранение этих основ, их передача из века в век, от поколения к поколению, определяется обычными законами <...> есть, конечно, некоторые видимые признаки, по которым можно распознать среди всех святых, рассеянных по земле, ту, в которой, как в святом ковчеге, содержится непреложный закон истины»¹⁰.

Призвание Церкви – дать миру христианскую цивилизацию, а это возможно только «в мощи и силе» и в случае сохранения единства. В этом, собственно, и заключается историософский проект Чаадаева, его понимание цели истории:

«В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергли бы слова Спасителя. Он бы не был среди своей церкви до скончания веков»¹¹.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С.121.

¹¹ Там же.

Идея христианского единства П.Я. Чаадаева...

В. Зеньковский писал в работе «П.Я. Чаадаев как религиозный мыслитель», что Чаадаев чувствовал себя одиноким в своей религиозности, так как он считал, что его религия – это религия будущего, его Церковь – это грядущая Церковь¹². Но если говорить в общем о русской мысли, то Чаадаев не был одинок, он был одним из первых, и многие его идеи были развиты идущими за ним и по его следам русскими религиозными философами или, точнее, русскими христианскими философами.

Библиография

Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев Жизнь и мышление (главы из книги) // П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 246–286.

Зеньковский В.В. П.Я. Чаадаев как религиозный мыслитель // П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 472–494.

Тарасов Б.Н. Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский. М.: Academia, 1999.

Тарасов Б.Н. Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1990.

Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 15–138.

¹² *Зеньковский В.В.* П.Я. Чаадаев как религиозный мыслитель // П.Я. Чаадаев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. С. 473.